

ЮБИЛЕЙ ДЮЛЫ СВАКА

GYULA SZVÁK'S ANNIVERSARY

18 февраля 2018 года профессор **Дюла Свак**, доктор исторических наук, почетный доктор РАН, основатель и руководитель Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, председатель Венгерско-российской комиссии историков, председатель «Фонда развития русского языка и культуры», председатель Общества венгерско-российской дружбы (2009–2015) отмечает свой юбилей.

В рамках юбилейных ритуалов перечисление всех титулов Дюлы Свака, всех ипостасей его активной и талантливой личности (среди которых, например, успешная издательская деятельность), а также наград (назовем только орден «Золотой крест» Венгерской республики «за выдающуюся деятельность в области науки и просвещения» и медаль Пушкина «за большой вклад в сближение и взаимообогащение культур») выглядит логично.

Но, как мне кажется, порой титулы, факты и цифры заслоняют суть событий, составляющих биографию человека. А мне, когда я пишу о своем старинном друге, именно «до самой сути» «хочется дойти». Возможно потому, что, как Дюла Свак писал в одном из своих эссе, наше «поколение еще умеет играть на „инструменте ностальгии“», а возможно мне хочется последовать еще одному его совету: «раздвинуть жанровые границы» и позволить себе некоторые «лирические отступления».

Мы познакомились в студенческие годы, одновременно учились в аспирантуре Ленинградского государственного университета, почти в один день защитили кандидатские диссертации (Дюла писал ее под руководством профессора Р. Г. Скрынникова, с которым сохранил дружбу на всю жизнь), параллельно начали преподавательскую деятельность и, разделенные историческими событиями, бурлившими как в Венгрии, так и в России, снова встретились лишь в конце 90-х. И эта встреча была празд-

ником, и этот праздник остался со мной!

Дюла Свак стал крупным ученым (автором 18 монографий и около 200 статей), успешным бизнесменом, общественным деятелем (курировавшим сезоны Венгерской культуры в России в 2005 году), создателем и организатором Центра русистики. Позднее (осенью 2010 года) сумел создать при Будапештском университете магистратуру и докторантуру по русистике (единственную в Венгрии), обеспечив и организационную, и интеллектуальную инфраструктуру.

Не так уж много времени прошло, внешние условия были совсем не благоприятными, сферы деятельности отнюдь не родственными, а результаты удивительными.

В 2005 году журнал «Огонек», освещая сезон венгерской культуры в России, поместил две фотографии: всемирно известного венгерского режиссера Иштвана Сабо и главного куратора сезона — Дюлы Свака. В этом совпадении был глубокий смысл. В фильме Иштвана Сабо «Милая Эмма, дорогая Бебе» была показана трагическая судьба преподавателей русского языка в период стремительной и болезненной смены режима. Дюла Свак был в числе тех, кто разрабатывал и создавал «защитные механизмы», позволяющие сохранить опыт венгерской русистики.

В чем же феномен человека, называющего себя «нерусским русофилом»?

Думаю, что на первом месте здесь будут слова «любовь» и «память». Любовь 10-летнего мальчика (чьи родители работали в Монголии вместе с коллегами из Советского Союза и поэтому он два года провел в русскоязычной среде), сохранившего эту любовь к русскому языку, русской культуре и русским людям на всю жизнь.

К этому слову можно добавить слово «преданность». Преданность своим учителям, о которых Дюла Свак много пишет, и «субъективные

портреты» которых автор справедливо считает притчами о Человеке. Ибо для него «истории с большой буквы не существует, есть только история людей».

Рассказывая о себе, Дюла Свак признается, что хотел быть журналистом, но не стал, «потому что в этом случае не мог быть таким основательным человеком, каким я хотел быть». Основательность, ответственность, поиск истины, «потребность в передаче объективных знаний», непредвзятое открытое мышление — вот ценности, которые он передает свои студентам. И добавляет: «Русистика — лишь средство для

этого, если бы я выбрал другую специальность, мое кредо было бы точно таким же».

Насколько Дюла Свак как историк воспитан художественной литературой, художественным словом и как он умеет использовать возможности образного слова, дает представление рассказ, любезно предоставленный автором.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Здесь и далее даются ссылки на очерки Дьюлы Свак в книгах: *Свак Д.* 1) Русская парадигма (русифобские заметки русофила). СПб., 2010; 2) На службе у Клио и у власть предержащих (Этюды по руссиеведению) // *Russica Pannonicana*, 2014.

Н. М. Филиппова, канд. филол. наук, доц.

1944, ТЫ — ЗВЕЗДА *

I. KVAS. 1944, YOU ARE A STAR

Енё Хирш не принадлежал к числу людей, которые охотно ходят на кладбище. Не то чтобы ему нужно было долго добираться до него, но он всегда боялся пропустить нужный ему перекресток. Правда, позже перекресток был значительно расширен, а на углу поставили фонарь, но добраться туда все равно было непросто. Обочины дороги заросли высокой травой, с годами покрывшей трамвайные рельсы, а кладбищенские ворота так успешно спрятались в обступившем их огромном беспорядке, что отыскать их было весьма затруднительно. К тому же справа по-прежнему подъезжали трамваи, неожиданно застывавшие на месте перед входом на кладбище. А Енё Хирш, по правде говоря, боялся трамваев, ведь они были сильнее и в довершение всего нападали с правой стороны.

Возможно, все это было для него лишь отговоркой. Он не был верующим, но при входе на кладбище и ему для приличия следовало бы надевать какую-нибудь шляпу, чего он, конечно, всячески избегал, но чувствовал при этом некоторую неловкость. На соседнем кладбище таких забот у него быть не могло, да и дорога там была получше, а вид выстроившихся на тротуаре цветочных лавок почти заставлял человека забыть о том, зачем он приехал на машине в это богом забытое место.

Енё Хирш уже давно не навещал могилу своего умершего отца, зато приходил на могилу

матери на другое кладбище. И все же надгробный памятник он заказал там, где лежал его отец, так как хорошо запомнил вечную истину, сообщенную ему многоопытным приятелем-частником: заходи лишь в те придорожные буфеты, стоянки у которых переполнены до отказа! Так вот, в то время как перед христианским кладбищем, протянувшимся по одну сторону улицы, выстроился целый ряд мастерских по изготовлению надгробий, на другой, еврейской стороне их было всего две или три, к тому же и цены в них были высоковаты. Ничего не поделаешь, — таково неизбежное следствие монопольного положения. И добро бы хоть памятники были покрасивее, но нет, наоборот, предлагаемые здесь товары получились невзрачными. В молодости Енё Хирш не придал бы этому особого значения, ведь эстетичность надгробий уже вряд ли может улучшить настроение отошедших в лучший мир, но с годами он стал менее склонен рассматривать мистику вечного упокоения с рациональной точки зрения.

И Енё Хирш отправился заказывать надгробие матери у «потусторонних» мастеров. Выбор у них был самый разнообразный: предлагались памятники для членов ордена витязей, камни с изображением ангелочков и крестов, к которым он по понятным причинам прицениваться не стал, зато вид зеленого, как будто пораженного молнией мрамора был неотразим. К слову сказать, Енё Хирш вовсе не был уверен в том,

что мемориальные предметы такого рода обязательно должны охватывать все жизнь человека, к тому же он хорошо знал, что Эльза немедленно отбросила бы такую идею, но все же, хотя бы отдавая дань чувству собственного достоинства, нельзя было не добавить к символике смерти Освенцим. Ведь несмотря на то, что беременной Эльзе удалось вырваться из клещей врача-мясника по имени Менгеле, удалось выжить и вернуться домой, обзавестись новой семьей и родить детей, которые дали ей множество внуков, выпавшая на ее долю жизнь лучше выражалась образом разбитого молнией дерева, чем, скажем, образом оазиса с пальмовыми садами.

Можно сказать, что Енё Хирш задумал все это для успокоения своей совести, а главное — ради своих детей: раз уж они не приходят или редко приходят к земляному холмику, где лежит их бабушка, то пусть ее память увековечит хотя бы камень. И вот он заказал, оплатил, перевез расщепленную гранитную плиту от конкурентов на кладбище матери и не мог нарадоваться, глядя на нее. С тех пор он стал приходить к матери чаще и, хотя и не оставался у могилы больше 5–10 минут, но с удовлетворением смотрел, как среди других надгробий, видневшихся по краю кладбищенской аллеи, позвывает и расколотый надвое памятник его родной матери. Правда, имена погибших членов его семьи уже были выгравированы на мемориальных досках как на его родине, так и на месте злодеяния, однако Енё Хирш не доверял официальным мемориалам.

Ему казалось, что он один способен запечатлеть память о своей матери. От этого он почувствовал умиротворение и, приходя на могилу с цветком в руке, всегда испытывал неожиданно охватывавшее его спокойствие. Он действовал быстро и целеустремленно: ставил цветок в каменную вазу, затем, постоянно забывая взять с собой какие-нибудь средства для уборки, руками счищал, даже скорее бережными глядящими движениями удалял налипшую на могилу грязь и опавшие листья и шел к крану с водой, установленному в конце аллеи. Там он останавливался, скамейки не было, поэтому он просто стоял и издали смотрел на Эльзу. Ему было грустно,

да и как ему было не грустить? И в то же время душа его была охвачена счастьем из-за того, что его мать не дождала до того, что происходило теперь. Если уже одно имя впавшего в юдофобию писателя-толстяка настолько раздражало ее, что она отказывалась его произносить, то как бы она отнеслась к распространяющемуся исподволь обыкновенному фашизму или к нацистскому памятнику, который планировалось установить рядом с памятником Хорти? Пусть лучше будет так, как есть. Самому Енё Хиршу это ничем помочь не могло, зато по крайней мере его матери покой был обеспечен, хотя бы даже и в земле.

Вообще-то он никогда не упоминал об истории своей семьи. Он, можно сказать, привык к тому, что ему не довелось знать ни бабушку с дедушкой со стороны матери, ни двух теток и дядей, которых он никогда и не мог представить в этой роли, поскольку Вере было только восемь, а Йожи одиннадцать лет. Быть может, именно поэтому он и попросил выгравировать имена всех шестерых вместе с датами рождения и смерти на надгробном камне матери. Пусть от всей погибшей семьи Хиршей останется хотя бы это и хотя бы только в его памяти, — несколько имен и дат, выгравированных на камне.

И Енё Хирш вполне удовлетворился бы этим. Его вовсе не интересовали извинения от имени нации, он не ждал всеобщего покаяния и не хотел, чтобы кто-то посыпал голову пеплом за грехи предков. Что случилось, то случилось.

Вот только не было бы этого телефонного звонка, раздавшегося однажды в конце лета во второй половине дня, когда надгробие было установлено на могиле. Из трубки донеслись испуганные голоса помощников камнереза: «Хозяин! Мы все заporоли, у всех шести имен выгравировали 1944 год!»

Было нелегко успокоить бедных невежественных парней и объяснить им, что 1944 год «заporоли» вовсе не они.

Иван Квас (Перевод П. Борисова)

ПРИМЕЧАНИЕ

* В названии содержится саркастическая отсылка к стихотворению Шандора Петефи «1848», которое начинается строками: «О звезда сорок восьмого года! Народов ты расцветная звезда!»